

Большой театр усилил *Колле. правда. - 1994. - 10 дек. - с. 4.* «Жизель» новым актом: забастовкой

Жизель *Век. клас.*
бастовала 1994.
20 минут *10 дек. - с. 1*

Предупредительная забастовка против введения контрактной системы и художественного совета прошла 8 декабря в Большом театре. Жертвой стала бедняжка Жизель. В 19.00 свет в зале погас, за дирижерский пульт вышел Альгис Жюрайтис. Но вместо музыкального выступления зрители выслушали речь председателя стачкома народного артиста Евгения Райкова, который обрисовал напряженную обстановку в театре и его бедственное положение. Генеральный директор Владимир Коконин, сидевший, как обычно, в ложе справа, встал и покинул зал. То же проделал и Жириновский с командой (говорят, пошел в буфет). Публика демарш Коконина встретила хлипкими аплодисментами, которые непонятно что должны были обозначать. Начавшийся через 20 минут спектакль прошел спокойно. (Александр Фирер).

В российском театре номер один (то есть в Большом и самом приближенном) оперные певцы зацепили фальцетом. Балерины уже не «пожкой пожжку бьют», а руками работают.

Позавчера, восьмого декабря, труппа Большого театра провела унылую забастовку. На двадцать минут задержали «Жизель». Обещанный народный артист СССР Евгений Райков (председатель стачкома) у входа под колоннами с забастовочными лозунгами замечен не был. Так, артисты вяло потолкались. Перед занавесом на сцене никто не появился — только по вытупренному радио объяснили, что «артисты протестуют».

Слыханное ли дело? Слыханное. Шалапин, скажем, вспоминает, как в 13-м году во время дягилевского сезона в Лондоне, перед «Борисом Годуновым» забастовали хористы. Потребовали денег вперед — потом будут песни. Так и не вышли на сцену. А распалившегося Шалапина едва не отдубасили.

... В Большом последние полгода разрабатывается другой жанр. Рассылаются факсы, складываются собрания, подписи.

Думаю, речь идет о спасении национального достоинства и выходе театра из кризиса? Нет: в Австралии подали автобусы, и не хватало сидячих мест. В буфет не завозят необходимый кефир. По театру тараканы ползают! В результате генеральный директор Коконин систематически осуждается. А главные специалисты Григорович, Лазарев получают одобрение коллектива за отеческую заботу.

Но потом тараканы, кефир и автобусы разбавляются более солидными мыслями —

о реформе, о контрактной системе, о худсовете, театре или об артистическом директоре. И протест принимает форму уже антиправительственную.

Почему президент и окружающие его власти демонстрируют своими указами лояльность директору Коконину, а не его оппонентам? Раньше мысли о реформах в Большом давились сверху, теперь — снизу. А суть не меняется. Просто раньше главные специалисты имели влияние в верхах. А теперь их переводят на контракт. И Григоровичу, и Лазареву это кажется инсинуацией.

А что же труппа? Ведь голосует. Если когда-то к балеринам ездили великие князья (Кшесинская любила подарки из Фаберже), если прежде их лобывали комиссары с генсеками, — то теперь их просто считают по «головам». По результатам голосований.

Коконин опасается: «Завтра мои оппоненты скажут, что я бабушку убил, и — письмом президенту. А там решат, что надо наказать, — и снимут». Правильно опасается. У того же Шалапина находим историю о директоре императорского Александринского театра, которого арестовали «по прохвтам какого-то маленького актера».

Самое грустное в прошедшей забастовке — не склока руководителей, а наглядное превращение храма в балаганчик.

«Актер перестал замечать, что от интимных отношений со «священным искусством» он все ближе и ближе переходил к базару...»

Шалапин и тут как в воду глядел.

Игорь ВИРАБОВ.